

Зарин Андрей Ефимович

Силуэты

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Силуэты: Роман / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 238 с.

ISBN 978-5-519-85672-0

ISBN 978-5-519-85672-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— А гдѣ они?

— Ахъ, Господи! поищи! Вѣрно въ комодѣ!

Иванъ бросился въ сосѣднюю комнату, но тутъ же увидѣлъ ситцевое платье и бѣлый передникъ, кинутые на креслѣ.

— Они тутъ, Глаша!—сказалъ онъ и, доставъ бумагу, сталъ ихъ заворачивать.

— Ты поаккуратнѣе!—замѣтила Аглая Степановна,—а то прошлый разъ развернулось.

— Вережки не было.

— Теперь найди.

— Отчего ты здѣсь не переодѣнешься?—робко спросилъ Иванъ, старательно свертывая ситцевое платье.

— Ахъ, Господи! сколько разъ говорила тебѣ, что тамъ, у Животовыхъ, гораздо удобнѣе.

Иванъ замолчалъ. Онъ завернулъ платье и завязалъ веревкой.

— Готово!—сообщилъ онъ съ довольной улыбкой,—хоть на край свѣта неси!

— Ну, и хорошо,—равнодушно отвѣтила Аглая, отходя отъ зеркала.

— Постой-ка, Глаша, — заботливо сказалъ Иванъ,—у тебя вотъ тутъ...—и онъ сталъ ей поправлять сзади джерси и платье.

— Что тамъ?—нетерпѣливо спросила она.

— Да изъ подъ джерси бѣлье видно.

— А, ну, пустяки! — проговорила она, небрежно проведя рукою по спинѣ и звонко крикнула:

— Матреша!

— Что ты это!—испуганно сказалъ Иванъ.— Петю разбудишь!

— Ахъ, я и забыла! Подай пальто!—обратилась она къ рябой, приземистой бабѣ въ грязномъ платьѣ, подоткнутомъ со всѣхъ сторонъ.

Та съ злобнымъ лицомъ прошла въ переднюю, вытирая по дорогѣ руки о подолъ платья.

— Идите, што-ли!—крикнула она изъ передней, снявъ съ вѣшалки пальто.

— Ну, прощай, — торопливо сказала Аглая Степановна мужу, идя къ передней.

— Когда вернешься?—грустно спросилъ Иванъ.

— Развѣ я знаю? — отвѣтила она и, надѣвая пальто, прибавила, — ночевать не буду! Вѣрно ужъ завтра утромъ!

Иванъ вздохнулъ. Въ это время заплакалъ ребенокъ.

— Прощай!—сказалъ Иванъ, выбѣгая въ переднюю.

— Иди, плачетъ!—отвѣтила жена, наскоро его цѣлуя, и пошла къ дверямъ.

Иванъ прошелъ въ спальную. Тамъ, въ крошечной комнатѣ, занятой двумя кроватями, комодомъ и сломаннымъ стуломъ, поднявшись на своей постелькѣ плакалъ проснувшійся Петя, полуторагодовалый ребенокъ.

Иванъ торопливо подошелъ къ нему, уложилъ снова въ постельку и, поправляя на его головѣ сбившіеся волосенки, ласково прошепталъ:

— Спи, дѣточка, спи! Еще рано! Няня пойдетъ, молочка купить! Петя тогда проснется и кушать будетъ, а теперь спи, спи!—Онъ гладилъ его рукою, съ безконечной любовью смотря на его

пухленькое личико, и ребенокъ, понимая тихую ласку и нѣжную просьбу, закрылъ глаза и началъ ровно дышать, засыпая крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ.

А Иванъ стоялъ надъ нимъ и его глаза выражали глубокую скорбь.

«Няня пойдетъ и молочка купить... На что купить?... Эхъ, жизнь, горькая жизнь». Онъ тихо поднялся, оглянулся съ усталымъ видомъ и поморщился.

На неубранной постели валялись женскіе башмаки и башлыкъ; на комодѣ, среди беспорядочно набросаннаго бѣлья, лежали книги, тетради и стояла чернильница. На сломанномъ стулѣ стояла лампа, ежеминутно готовая упасть, а подлѣ нея чашка чаю съ окуркомъ папиросы на блюдцѣ.

«Всегда такъ»,—подумалъ съ горькой усмѣшкой Иванъ и осторожно сталъ приводить въ порядокъ неубранную комнату. Высокій, сухой, онъ неуклюже переставлялъ свои длинныя ноги и сгибался, стараясь дѣлать все какъ можно осторожно нѣе, чтобы не разбудить Петю. При тускломъ свѣтѣ ненастнаго осенняго дня Иванъ производилъ тяжелое впечатлѣніе своею неуклюжею фигуροю и блѣднымъ изможденнымъ лицомъ, дѣлавшимъ его, тридцати-двухлѣтняго человѣка, старикомъ.

Убравъ комнату, онъ прошелъ въ кухню. Тамъ, у плиты, Матрена съ непонятной яростью щипала лучину.

— За обѣдомъ идти, што-ли?—грубо спросила она.

— Нѣтъ, Матреша, нѣтъ,—торопливо отвѣтилъ

Иванъ и лицо его приняло ласковое, добродушное выраженіе;—за обѣдомъ я самъ схожу. А ты, Матреша, за Петей присмотри! Проснется, побудь съ нимъ! А за обѣдомъ я самъ!

— Знаемъ ужъ, — проворчала Матрена, съ яростью вонзая въ полѣно ножъ.

— Барыня-то не вернется?

— Нѣтъ, Матреша, сегодня и ночевать не будетъ,—смущенно отвѣтилъ Иванъ и поспѣшно прошелъ въ свою комнату, гдѣ помѣщался съ братомъ.

Онъ торопливо сталъ переодѣваться, чтобы выйти изъ дому, а мысль, «гдѣ достать на обѣдъ»? грызла его и сжимала тоскою его сердце.

Братъ Ивана, Григорій Николаевичъ Соколовъ, былъ молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ. Онъ былъ красивъ со своимъ римскимъ профилемъ, густыми волосами и выразительными карими глазами. Плечистый, невысокаго роста, съ рѣзкими нѣсколько угловатыми манерами, онъ казался энергичнымъ, рѣшительнымъ человѣкомъ. И, дѣйствительно, онъ давалъ уроки, бѣгалъ на ученые засѣданія и составлялъ рефераты, занимался переводами, компиляціями, не отказываясь ни отъ какой работы.

Деньги доставались ему тяжело. Въ этомъ году онъ поселился вмѣстѣ со своимъ женатымъ братомъ, лишившимся мѣста. Несмотря на всю неприглядность своей жизни, недающей ничего, кромѣ лишеній и тяжелого труда, Григорій съумѣлъ сохранить въ себѣ и способность увлекаться, и юношескую вѣру въ счастье и добрыхъ людей. Онъ писалъ стихи и порою плакалъ, сгорая неяснымъ

стремленіемъ къ какому-то «святому» дѣлу. Но жизнь давила его и каждую минуту заставляла чувствовать униженіе подневольнаго труда. И часто, отдавшись мечтаніямъ, Григорій вдругъ падалъ съ облаковъ, пробужденный роковыми словами: «На завтра нѣтъ денегъ, Гриша».

Вчера, когда онъ говорилъ съ братомъ о способахъ достать деньги, онъ вспомнилъ, что въ двухъ дешевыхъ изданіяхъ у него напечатано нѣсколько стихотвореній, которыя онъ переслалъ въ редакціи по почтѣ.

Онъ рѣшилъ сходить въ неизвѣстныя ему редакціи и спросить свои деньги.

Онъ считалъ себя почти богатымъ, собираясь на другой день выйти изъ дому, только братъ своимъ тоскливымъ напоминаніемъ на мгновеніе испортилъ его настроеніе.

II.

«Эхъ, жизнь!» съ тоскою подумалъ онъ, выходя на дворъ и передергивая отъ холода плечами: — «работа, работа, работа и никогда отдыха, и всегда страхъ голода, безденежья». Онъ на мгновеніе нахмурился. Скверный осенній день съ заунывнымъ холоднымъ вѣтромъ, съ непрерывно льющимся дождемъ еще усиливалъ непріятное настроеніе. Онъ поднялъ воротникъ своего пальто, засунулъ руки въ карманы и пошелъ къ воротамъ. Въ калиткѣ онъ столкнулся съ хорошенькой дѣвушкой. Маленькаго роста, со смѣющимся круглымъ личикомъ, веселыми сѣрыми глазами, она остановилась

передъ нимъ и радостно поздоровалась. Это была Наденька Розова, какъ ее звали Соколовы, ихъ сосѣдка, живущая рядомъ во флигелѣ, со своею сестрою, акушеркою. Только-что окончившая гимназію, молодая, неопытная, — она стремилась скорѣе заняться дѣломъ и искала уроковъ; все лѣто прошло въ тщетныхъ поискахъ, но она не унывала и теперь, когда она стояла передъ Григоріемъ, въ своей легкой драповой кофточкѣ, черной шляпкѣ съ огромными полями, изъ-подъ которыхъ выбивались на ея лобъ бѣлокурые волосы, въ ея лицѣ и фигуркѣ было столько энергіи и жизни, что Григорій сразу забылъ свое неудовольствіе и привѣтливо улыбнулся, здороваясь съ нею.

— Откуда это вы такъ рано?

— Это для васъ рано, соня вы этакій, — весело отвѣтила она: — а я ужъ въ двухъ мѣстахъ побывала!

— Мѣсто все?

— Мѣсто... на уроки я потеряла надежду: музыку нужно, языки, а я не знаю. Ну, и взяла себѣ службу!

— Службу?! Какую?

— Да что, не интересно! — комически вздохнула она: — у параличной старухи романы читать...

— И хорошія условія?

— Нѣтъ, не очень: двадцать пять рублей, а читать съ двѣнадцати часовъ до пяти, до обѣда.

— Что-же, и то хорошо, — улыбнулся Григорій.

— Я рада... отдохнемъ хоть немного!.. Однако, я заболталась съ вами, пойду сестру порадовать! — спохватилась она и подала ему свою крошечную руку.

Встрѣча съ дѣвушкой оживила Григорія. Онъ быстро пошелъ, незамѣтно для себя отдавшись мечтамъ. Ему заплатятъ за стихи. Онъ получитъ рублей тридцать, сорокъ, можетъ и больше. Потомъ станетъ писать усердно, не такъ, какъ раньше, а серьезно относясь какъ къ дѣлу. Финансы ихъ сразу поправятся. Можно будетъ и урокъ бросить. Проклятый урокъ! За тридцать пять рублей онъ кричитъ каждый день по два часа съ четырьмя ребятами избалованными, лѣнивыми, упрямыми. Да, можно бросить будетъ... И какая разница! Онъ сдѣлается литераторомъ...

И, несмотря на осенній рѣзкій вѣтеръ, Соколовъ замедлилъ свои шаги и, самодовольно улыбувшись, поднялъ голову. Въ его глазахъ на мгновение блеснуло торжество.

Онъ дошелъ до редакціи журнала, «Плетень». Дверь была заперта, и на ней прибито объявленіе о перемѣнѣ адреса редакціи.

«Пойду на новый адресъ» — рѣшилъ Григорій. По дорогѣ онъ зашелъ въ другую редакцію иллюстрированной газеты «Сочные злаки», одного изъ изданій, неизвѣстныхъ столицѣ, но съ помощью саженныхъ объявленій, рассылаемыхъ десятками тысячъ, распространеннаго по окраинамъ Россіи. Тамъ было напечатано два его стихотворенія.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ.

— Редакція здѣсь? — спросилъ онъ швейцара.

Толстый, красный швейцаръ ткнулъ пальцемъ въ пространство.

— Первая дверь направо! Только никого нѣту! — добавилъ онъ.

— Какъ никого? — остановился Григорій.

— Никого-съ, — подтвердилъ швейцарь: — впрочемъ, обождите тамъ. Мальчишка вернется.

Григорій стоялъ въ недоумѣніи.

— Тамъ не заперто. Войдите. Онъ сейчасъ. Въ лавочку побѣжалъ! — объяснилъ швейцарь.

Григорій подошелъ къ двери, на которой была прибита доска съ надписью: «Редакція» и вошелъ въ крошечную темную переднюю. Онъ отворилъ дверь направо. Посреди комнаты стояла неубранная постель, на ней валялось грязное бѣлье, а возлѣ, на табуретѣ, стоялъ тазъ съ грязной мыльной водою. На стулѣ висѣло полотенце. На столѣ, комодѣ и на другихъ стульяхъ валялись принадлежности мужского туалета: щетка, зеркало, раскрытая бритва.

Григорій заглянулъ въ комнату направо и вошелъ въ нее. Она, очевидно служила для редакціи. Меблировка ея состояла изъ огромнаго письменнаго стола, кресла, двухъ вѣнскихъ стульевъ и этажерки. На всей мебели, на полу, на каминѣ, словомъ, всюду, валялись кучами набросанныя рукописи, газеты, журналы, корректурные листы, какія-то толстыя конторскія книги, разноцвѣтныя афиши, бланки, и на всемъ этомъ печатномъ хламѣ густымъ слоемъ лежала пыль. Григорій съ недоумѣніемъ осматривался. Онъ шелъ въ редакцію съ трепетнымъ сердцемъ, приближаясь къ ней, какъ къ святилищу, и теперь, разочарованный, стоялъ посреди пустой комнаты, оглядываясь по сторонамъ.

Въ переднюю вошло странное существо, оче-

видно, тотъ мальчикъ, о которомъ говорилъ швейцаръ, и остановился на порогѣ комнаты. Голова его была покрыта рыжею шерстью, широкое скуластое лицо, красное какъ брюква, имѣло безпкойное, испуганное выраженіе. Онъ одѣтъ былъ въ короткіе штаны съ выпученными колѣнками и длинный черный сюртукъ, рукава котораго, совершенно скрывая его руки, безсильно висѣли словно обрѣзки пожарныхъ трубъ.

Мальчикъ имѣлъ странную манеру подтягивать постоянно брюки и немедленно, вслѣдъ за этимъ, утирать носъ рукою, но такъ какъ рукава совершенно скрывали его руки, то казалось, что безсильно висящіе, они вдругъ оживали и исполняли все требуемое отъ рукъ мальчика.

Григорій съ удивленіемъ оглядѣлъ его.

— Можно видѣть редактора?— спросилъ онъ.

Мальчикъ заморгалъ глазами и привелъ въ движеніе рукава.

— Вамъ что надо? зачѣмъ его? Петра Степановича никакъ нельзя видѣть.

— Какъ нельзя?— удивился Григорій:— а если мнѣ падо.

— Вамъ можетъ подписаться? Такъ это я...— мальчикъ бросился къ столу, стараясь на бѣгу освободить свои руки.

— Какое тамъ подписаться! — нетерпѣливо крикнулъ Григорій:— его видѣть! Понимаешь, его самого!

Мальчикъ растерялся.

— Этого никакъ нельзя. Ихъ никогда не бы-

ваетъ дома. Сходите въ «Сѣраго медвѣдя!» Они тамъ обѣдаютъ, а иначе нельзя!

— Да дома-то онъ бываетъ?

— Дома? дома только до десяти часовъ. Какъ проснутся, сейчасъ и уходятъ... на весь день уже...— Мальчикъ поддернулъ брюки и поднялъ рукавъ къ носу.

— У-у, чертъ!—обругался вполголоса Григорій и сказалъ, направляясь къ выходу:

— Скажи, — Соколовъ былъ. На дняхъ зайду утромъ. Не забудь: Соколовъ!

— Слушаю-сь!—отвѣтилъ мальчикъ и съ такою силою захлопнулъ за Григоріемъ дверь, словно спасался отъ преслѣдованія разбойниковъ.

Григорій вышелъ на улицу и вздохнулъ.

Одна надежда исчезла.

«Странная редакціи» подумалъ онъ:— «ну, что въ другой скажутъ?» И онъ пошелъ по мокрой панели, подъ частымъ дождемъ ненастнаго осенняго дня. Онъ не ожидалъ такого разочарованія, и теперь сердце его сжало тоскливымъ предчувствіемъ, когда онъ подходилъ къ подъѣзду другой редакціи. Испытавъ неудачу, Соколовъ съ непонятнымъ для себя трепетомъ поднимался по лѣстницѣ въ пятый этажъ..

Дверь редакціи была отворена настежь. Григорій робко вошелъ въ переднюю и увидѣлъ передъ собою огромный залъ, заставленный разнообразной мебелью, не безъ претензіи на роскошь. Онъ увидѣлъ зеркала, гипсовые статуэтки, зелень и бронзовые стулья, обитые выцвѣтшимъ барха-